Троцкий

НА СТРАЖЕ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН171
Н143

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА

Л. ТРОЦКИЙ

ЕН141
Н143

НА СТРАЖЕ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

К2а

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ МИР»

МОСКВА
1919

Л. ТРОЦКИЙ

ЕИ 71
Н 143

НА СТРАЖЕ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(Доклад, прочитанный т. ТРОЦКИМ в Воронеже 18-го ноября 1918 года.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СОВЕТСКИЙ МИР"

МОСКВА—1919

1 экз.

Е
ЕН171
Н143
Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)
(1427 / 28) ~~сф / 12102~~
~~3073 / 30~~ с1.
1062861

На страже мировой революции.

Товарищи. Прежде всего позвольте выразить радость по поводу того, что мы имеем возможность с вами вести беседу в Воронеже, который наши враги склонны были недавно уже считать своим. Я думаю, что Воронеж останется в составе Советской России незыблемо, и что это многочисленное и многолюдное и, как можно судить уже уже по первому впечатлению, связанное единым настроением собрание является залогом того духа, который превратит Воронеж в неприступную Советскую крепость.

А нужно сказать, что Воронеж—пока еще один из самых южных пунктов Советской России и—находится под несомненной угрозой, ибо всей нашей стране сейчас главная опасность угрожает с юга,—с этого столь близкого вам фронта, за которым недавно скрывались казацко-немецкие силы, немецкие средства, немецкие планы и где теперь—за спиной тех же одураченных казаков—группируются силы и средства противоположного лагеря.

Мы живем в эпоху, которая является эпохой международной политики прежде всего. В „мирное", „спокойное" время вопросы международной политики кажутся рядовому человеку звездными вопросами, не имеющими никакого практического значения для его личной судьбы. Но мы вступили в такую эпоху, когда судьба каждого гражданина, хочет он того или не хочет, связана с судьбами не только его класса, его страны, но и с международными судьбами в целом. Это—заслуга, или проклятье,—как хотите,—капитализма. Капитализм связал народы в один мощный хозяйственный организм и, в то же время, враждебно противопоставил господствующие классы этих народов. Можно сказать, что он связал воедино народы цепью каторжника

и они, стремясь устроиться в этой капиталистической мировой каторге, вынуждены ценою рвать свое тело на части. Это и есть современная империалистическая война. Она выросла из противоречия между мировым характером производства и национальным характером присвоения, капиталистического хищения. Буржуазия с этим противоречием справиться не может. Сперва была надежда у буржуазии того и другого лагеря, что путем военной *победы* она разрешит все вопросы. Я помню первый период войны, который мне пришлось провести в западной Европе, сперва, первые дни—в Австро-Венгрии, затем в Швейцарии, потом почти два года во Франции, откуда был выброшен в Испанию—нейтральную страну, из Испании в Америку, где как раз происходило вступление Соединенных Штатов в войну. Таким образом судьба дала мне возможность за первые два с половиной года войны наблюдать ее отражение в сознании и в политике буржуазных классов и рабочих масс разных стран. В Цюрихе на втором месяце, примерно, войны, мне довелось говорить с одним из важнейших соглашателей, с Молькенбургом, который на мой вопрос, как его партия представляет себе ход мировой войны, ответил, повторяя мнения германской буржуазии: „В течение ближайших двух месяцев мы покончим с Францией, за тем повернемся на восток, покончим с войсками нашего царя и через три—максимум четыре месяца мы дадим крепкий мир Европе". Такова была иллюзия этого социал-патриота.

Прошло с того времени более 4 лет. Германия сейчас повержена во прах. И только развернувшаяся рабочая революция обещает вывести ее из страшного и кровавого тупика, куда ее загнала политика буржуазии, защищавшаяся в свое время партией Молькенбурга.

То же самое было и во Франции. Там буржуазные депутаты и социал-патриоты обещали победу со дня на день, с недели на неделю, с месяца на месяц, потом с года на год. Правда, можно сказать, что теперь эта обещанная победа достигнута.—Франция вместе со своими союзниками наступила на Германию сапогом,—тем не менее во Франции, меньше чем где бы то ни было, сколько нибудь разумные политики, даже из буржуазного лагеря, надеются военной победой разрешить хотя бы один из тех вопросов, которые вызвали современную войну. Никто другой, как Жюль Гед, один из бывших вождей быв-

шего Второго интернационала, говорил не раз во время своего революционного расцвета, что война является матерью революции, и мы вступили сейчас в эпоху, когда по следам войны, правда, иногда слишком медленно для нашего законного революционного нетерпения, но все же шествует, как говорилось в старину, на железных сандалиях революция, дочь войны. Революцию начали первые мы, русский рабочий класс, класс страны, наиболее обездоленной. Мы были первыми, но не последними. Мы рисковали остаться одинокими. Но разве был у нас другой выход? Вы знаете, с каким издевательством и глумлением встречались наши предуказания относительно неизбежности революционного развития во всем мире, и особенно в Германии. Но факты на лицо: в последнем счете оказались правы мы, те, которые опирались на твердый материалистический метод исследования исторических судеб, метод, который применяется во всякой науке,—метод строгого, холодного, сурового исследования накопленных фактов, и отсюда определенных выводов относительно будущего определенного прогноза,—только этот холодный метод, который вовсе не противоречит самому горячему революционному темпераменту, только этот научный марксистский метод дал нам возможность не растеряться, а разобраться в мировом положении и предсказать неизбежность пролетарской революции в результате настоящей войны

Разумеется, многие из нас ожидали ее раньше. Мы думали, что германский рабочий класс не позволит соглашателям вести себя так долго на узде. Сейчас еще мы взираем с ненавистью на биржевую Францию и готовы, подчас, нетерпеливо топать ногой по поводу того что французский рабочий класс, с богатыми революционными традициями, столь долго терпеливо сносит господство Пуанкарэ и Клемансо Тем не менее, в общем и в целом, события идут, как мы, марксисты, их предвидели. Те черты капитализма и рабочего класса отдельных стран, которые нам были известны раньше, развернулись и сказались в характере событий и в их темпе.

Мы знали, что для германского рабочего класса, без революционного прошлого, нужны исключительные события, исключительные потрясения, чтобы выбить его из той колеи легализма, в которую его надолго загнала история. Эти потрясения наступили,—последствия на лицо.

Вы знаете, что вся последняя война есть ни что иное, как гигантская дуэль между Германией и Англией. Англия—это старая империалистическая колониальная страна, старая разбойничья фирма, которая, в лице своего флота, стоит на всех путях и перепутьях морских мировых дорог и не позволяет другим мировым разбойникам конкурировать с собой. Именно поэтому она с неслыханным ожесточением и ненавистью наблюдала, как, в лице промышленной Германии, развивается для нее в высшей степени опасный соперник. Характерная черта английского рабочего класса, которая об'ясняется историей английского капитализма, на которую я только что намекнул, это—чувство своей привиллегированности, известный аристократизм. Английский рабочий класс во второй половине прошлого века был связан с мировыми привиллегиями английской промышленности, которая занимала господствующее положение на мировом рынке. С того времени, как это положение установилось, т. е. с 50—60 годов прошлого столетия, английский рабочий класс не знал революционных потрясений.

Германский пролетариат не знал их по другим причинам. Германия выступила позднее на дорогу капиталистического развития. Развилась она с колоссальной быстротой. Складывалась немецкая промышленность, в том числе военная, складывался немецкий рабочий класс, который создавал свои союзы, свою политическую партию, и вся его энергия ушла в этом направлении. Богатела буржуазия. А наверху, там стояла дворянская каста, тесно сплоченная, хорошо выдрессированная и состоявшая, в отличие от нашего дворянства, не из бездельников, воров, казнокрадов, а из высшей степени деловых полководцев, министров, которые умели господствовать над народными массами. Вот почему немецкая буржуазия, которая в течение нескольких десятилетий развернулась в гигантскую силу, решила государственное, особенно военное, дело оставить в руках дворянства. Она сказала сама себе: „У дворянства—крепкий кулак, у него традиция господства, оно сумеет держать в узде пролетариат". Это дворянство создало чудовищную германскую армию. Для нее существовала могучая промышленность, эксплоатировавшая рабочих. И этой армии, на основе этой военной промышленности, дворянство дало крепкую офицерскую касту

с боевыми традициями, с железной дисциплиной. Из могущественной военной промышленности и дисциплинированного без революционных традиций класса, из этой комбинации получалась страшная машина массовых убийств, которая называлась германской армией. Эта армия держалась против Англии, против Франции, против России, потом против армии Америки, в течение свыше четырех лет германская армия выносила этот колоссальный напор...

Если отвлечься от империалистического характера войны, если видеть в ней только военное состязание экономических организмов, то прежде всего нужно поражаться колоссальному могуществу тех сил, которые капитализм создал и разнуздал. А в лице германской армии капитализм нашел свое наиболее законченное и яркое выражение. Однако, мы видим, что германский милитаризм не выдержал этого напряжения сил, не выдержал не только потому, что на него напирали колоссальные могущественные армии Англии, Франции и в последние месяцы Соединенных Штатов,—не выдержал он внутреннего, идейного напора новых настроений, провозвестником которых явился русский рабочий класс.

И это не случайность, а как бы сознательная воля истории, что как раз к годовщине нашей октябрьской революции над Берлином поднялось красное знамя Берлинского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. Большего удовлетворения мы не могли ни желать, ни требовать от истории.

Немецкая революция идет, повидимому, более быстрыми шагами, чем наша отечественная революция. Но, с другой стороны, было бы ошибочно ожидать, что немецкий рабочий класс сразу сделает прыжок — от старого легализма к тому режиму, которого мы ждем, т.-е. к режиму коммунистической диктатуры.

Никогда ни один народ, ни один класс не учился настоящим образом из книжек, из газет и из опыта других стран.

Правда, кое-чему мы учились у немцев. В свое время мы говорили, что мы учились у них многому. Это верно. Но это многое было для мирной эпохи и оказалось совсем малым по мерке больших событий. Если русский рабочий класс чему-нибудь настоящим образом научился, так он научился этому в школе непосредственной суровой

борьбы, грудь с грудью со своими врагами, когда он кладет партию за партией на обе лопатки и когда он вырывает власть из рук буржуазии, когда он на своей крови основывает свое государство, взявши в свои руки власть, и об'являет врагам, что власти никому не отдаст (аплод.). Вот где и только здесь, в этой суровой борьбе, воспитывается воля к власти и возможность власть удержать. По книгам, в академии и по газетам рабочий класс никогда и нигде не обучился главным своим задачам и методам их осуществления.

Это относится и к немецким рабочим. Они создали революционные советы, рабочих и солдатских депутатов. Но нет никакого сомнения, что эти советы будут в течение известного времени, будем надеяться, короткого, еще шататься из стороны в сторону, ковылять, прихрамывать. Во главе их еще останутся соглашатели, те самые, которые в огромнейшей степени повинны перед немецким народом за те бедствия, за те унижения, в какие Германия ввергнута. Ибо нет никакого сомнения, что если бы немецкая социал-демократия в июле 1914 года нашла в себе решимость, мужество и ясное сознание призвать рабочий класс Германии хотя бы на первых порах к пассивному сопротивлению, чтобы перевести его далее в открытое восстание, то от этого война была бы сокращена во много раз,—ее, может быть, не было бы вовсе. Вот почему главная ответственность, как мы говорили тогда, лежала на сильнейшей партии,—на германской социал-демократии. И, тем не менее, немецкий рабочий класс, вырвавшись из заколдованного круга войны, в первый момент на своем хребте оставил еще старую партийную надстройку из вождей старой социал-демократии. У нас понадобилось 8 месяцев для того, чтобы изжить режим Керенского-Церетелли и других соглашателей. Наши Керенский-Церетелли были для рабочих масс неизвестными незнакомцами, которые на первое время импонировали рабочим массам, вызывали к себе доверие, как представители известной партии, которая шла, как казалось, во главе этих рабочих масс,—у нас понадобилось 8 месяцев для того, чтобы эту фальшивую репутацию раскрыть и уничтожить.

В Германии Давид, Эберт, Шейдеман, не незнакомцы. Они всю войну проделали рука об руку с германским правительством и с германской буржуазией, как ее помощники и слуги. Но так велика сила организационной

косности, организационного автоматизма, что немецкому рабочему классу трудно освободиться и от своей партийной машины, в тот момент, когда он освободился от машины государственной. Старая партия складывалась в старых условиях для старых мирных задач. Она создала огромный организационный аппарат. Чем дальше от массы, тем больше закоснелого, заскорузлого, затхлого и мертвящего в представителях этой могущественной партии и аппарата профессиональных союзов.

Мне довелось в Германии провести довольно большое количество времени, я видел этих вождей сравнительно близко, и теперь, в свете новых гигантских событий я ясно представляю себе, как и почему у этих людей нет за душой ни искры революционного пролетарского энтузиазма, ни тени понимания того, что такое пролетарская революция, а есть глубокое, рабское преклонение пред мудростью парламентарного государственного, планомерного, мирного строительства. Рабочий класс, разрушив старую государственную машину, толкнул вперед свою старую партию и Шейдеман-Эберт оказались министрами революционной Германии, хотя они сделали больше, чем кто бы то ни было для того, чтобы помешать германской революции. Они сделались „революционерами" против своей собственной воли. Еще полтора месяца тому назад они говорили, что в Германии революции не будет, что русские большевики ошибаются, они открыто издевались над нашими надеждами, более того, германский руководящий орган, „Форвертс", писал не так давно, что большевики, утверждающие, что в Германии будет революция, сознательно обманывают русских рабочих, питая их лживыми обещаниями.

Это говорили немецкие „вожди", которые, казалось бы, должны были бы лучше знать германские условия

Они нас обвиняли в том, что мы обманываем русских рабочих, предсказывая неизбежность революции у них. И вот они, жалкие тихоходы и крохоборы, сами оказались обмануты. Мы говорили правду. И эта правда теперь стоит пред всем миром: в Германии революция (Аплод.) Жизнь каждой страны, каждого класса и даже отдельного лица зависит теперь в ужасающей степени от международного положения. Международное положение в Германии является в высшей степени тяжким.

Тот мир, который германское правительство оказывается вынужденным подписать,—этот мир во всех отношениях суровее и беспощаднее того мира, который оказались вынуждены подписать в Бресте мы.

Нас наши Керенский—Церетели обвиняли в том, что большевики совершили преступление, подписав ужасный мир. Но в Германии тамошние Керенский—Церетели, т.-е. Шейдеман и Эберт, оказались вынужденными подписать мир, гораздо более ужасный. Стало быть, подписание мира не есть дело только доброй воли. Ужасный мир подписывают тогда, когда нет другого исхода. Когда враждебный империализм берет за горло, а в руках нет оружия, тогда подписывают ужасный мир. Так вынуждены были поступить мы. И нет никакого сомнения, что если бы у власти тогда стояли Керенский—Церетели, они подписали бы в Бресте мир в десять раз худший. Лучшим доказательством является то, что они в подобные их Грузию, Армению, Польшу совершенно отдали на произвол и расхищение германскому империализму, как завтра они отдадут Закавказье англо-французскому империализму. Переговоры по поводу этого ведутся уже сегодня...

Положение Германии является в высшей степени тяжким. Спасти ее может то, что должно было спасти нас, т.-е. революция во Франции, революция в Англии, развитие, расширение пролетарской коммунистической революции. Но для того, чтобы это скорее и вернее произошло, нужно, чтобы в самой Германии революция пошла далее по своему естественному пути, нужно, чтобы на смену трусливым соглашателям, которые стремятся урезать, окарнать, обезкрылить немецкую революцию, удержать ее в буржуазных рамках и лишить ее той агитационной силы, которую она должна развить, нужно, словом, чтобы на смену соглашателям пришло революционное правительство, руководимое Либкнехтом. Но здесь сказывается отличие судеб Германии от наших судеб. Мы жили долго в условиях царизма. У нас развились революционные подпольные навыки и традиции, сперва у народников и народовольцев, затем у социал-демократии. Эта нелегальная конспиративная революционная работа, шедшая сперва от подпольной интеллигенции к передовым рабочим, нашла свое законченное новое выражение в партии коммунистов.

К тому моменту, когда русский рабочий класс поднялся на ноги под влиянием страшных ударов истории, ему не пришлось начинать сначала. Он имел во главе своей централизованную, спаянную теснейшими узами доктрины и внутренней революционной солидарностью партию, которая шла с ним через все препятствия и которая теперь стоит у власти—это наша коммунистическая партия.

В Германии этого еще нет, потому что там энергия рабочего класса в течение десятилетий шла по руслу легализма, парламентаризма И когда рабочий класс Германии волею событий бросился на революционную арену—он не нашел организованной революционной партии. В Германии ее сегодня еще нет. И он поневоле воспользовался той организацией, которая была представлена Шейдеманом. Но нет никакого сомнения, что несоответствия между этой организацией, ее навыками, ее методами и между потребностью революционного пролетарского развития будет обнаруживаться с каждым днем все более и более ярко. И вот, перед немецким рабочим классом двойная задача: делать свою революцию и в процессе этой работы создавать орудие своей революции, т.-е. строить подлинную революционную партию. Мы не сомневаемся, что он справится с этой двойной задачей, а это есть гарантия того, что навстречу новой коммунистической революции пойдет революция французская.

Уже сейчас радиотелеграф приносит нам вести о крупнейших стачечных и революционных выступлениях в Лионе, Париже и в других местах. Да и было бы чудовищным, если бы французский рабочий класс не выступил против своих классовых врагов.

Мы знаем французский рабочий класс по его прошлому. Если вообще у какого-нибудь пролетариата есть старые революционные традиции, так это у рабочих Франции, которые проделали свою великую французскую революцию, революцию 1830 г., революцию 1848 г., июньские дни, наконец Парижскую Коммуну. Но, именно потому, что французский рабочий класс выступил первый на путь революционного действия, у него, у французского рабочего класса, создался известный политический аристократизм, как и у английского рабочего класса—экономический аристократизм.

Британский пролетариат смотрел долго на рабочих всех стран

высока: они-де—парии, получают низкую заработную плату, живут впроголодь, у них солдатчина, они не знают спорта и пр. и пр., в то время, как английский рабочий класс, т.-е. его квалифицированные верхи, находился в привиллегированном положении. Отсюда его пренебрежительное отношение к революционной борьбе. Французский рабочий класс, наоборот, в течение очень долгого времени считал себя единственной революционной силой в Европе, Мессией, т.-е. призванным спасти все другие народы. За пределами Франции все погрязло в варварстве, в невежестве. В Германии абсолютизм, в России—царизм. Даже в Англии—король и лорды. Во Франции рабочий класс создал республику и первым придет к социализму. Так думали верхи рабочего класса. Вот с этим революционным аристократизмом связан у французского рабочего класса *патриотизм*. Мысль такая: „Если кайзер задушит нас, то погибнет Франция—единственный очаг революционной борьбы Поэтому спасти Францию во что бы то ни стало, значит спасти социализм". Верхи французского рабочего класса мирились с тем, что правительство Франции, заключая союз с Россией, тем самым поддерживало русский царизм. Разумеется, была и оппозиция. Но широкие массы были обмануты, убаюканы, усыплены тем соображением, что опасность от немецкого абсолютизма слишком велика, что союз с Российской Империей является единственным выходом из положения, иначе немецкие баши-бузуки растопчут Францию и тем самым задушат социалистическую революцию. Только постепенно рабочие на опыте войны убеждались, что оба лагеря одинаково враждебны пролетариату. Из французских траншей все чаще и чаще поднимались угрожающие голоса. Правда, Клемансо сочетанием патриотической лжи и полицейской травли еще держит французских рабочих в тисках. Но теперь, когда старая империалистическая Германия лежит распростертая на земле, когда французскому рабочему классу не угрожает больше никакой внешней опасности, наоборот, когда его буржуазия сама является страшной, смертельной угрозой,—правда, на побегушках у английской и американской буржуазии,—для других народов, теперь никакого сомнения нет в том, что в ответ на германские и австро-венгерские Советы Рабочих и Солдатских Депутатов в близком будущем явятся баррикады в Париже. (Аплод.).

Весьма вероятно, что французский пролетариат будет опережен революционным рабочим классом Италии. Итальянская социалистическая партия, как вы знаете, с честью выдержала испытание нынешней войны. Причины этому кроются, с одной стороны, в том, что еще до войны итальянская партия очистилась от оппортунистического элемента, а также и в том, что итальянской буржуазии и монархии потребовалось около 9 месяцев на то, чтобы из лагеря центральных империй перейти в лагерь стран Согласия и начать войну на стороне Франции и России. За эти 9 месяцев итальянская партия могла на опыте других стран убедиться, к какой деморализации, к какому проституированию приводит политика „национального" об'единения социалистов с капиталистами. Эти обстоятельства дали возможность итальянской партии взять в свои руки инициативу по созыву Циммервальдовской конференции. Молодой итальянский пролетариат отличается бурным темпераментом и не раз уже превращал камни итальянских мостовых в революционные баррикады. Все сведения, какие доходят до нас из Италии, свидетельствуют о том, что решительная схватка между пролетариатом и буржуазией стоит там в порядке дня. На Аппенинском полуострове пролетарская революция имеет один из самых боевых и надежных отрядов.

С Англией дело обстоит сейчас не многим иначе. Правда, Англия привыкла стоять в стороне от Европы. Буржуазия воспитывала английский народ в сознании, что континент—одно, Англия—другое. Правительство Великобритании вмешивалось в старые европейские войны, поддерживая деньгами, и отчасти флотом более слабую сторону против сильнейшей, поддерживало ровно до того момента, чтобы создалось на континенте равновесие. В этом состояла, товарищи, в течение столетий, вся мировая политика Англии—делить Европу на два лагеря и не позволять одному лагерю усиливаться за счет другого. Своих союзников правящая Англия поддерживала так, как веревка поддерживает повешенного, т.-е. чтобы по возможности затянуть у них на шее петлю в виде всяких обязательств, чтобы истощить путем войны не только врагов, но и своих „союзников". Но на этот раз вышло не так. Германия слишком сильно развернулась, показала себя слишком могущественной страной и Англии пришлось самой впутаться

в эту войну, глубоко влезть в нее, уже не деньгами только, а мясом, человеческой кровью. А сказано, что „кровь—есть сок особый". Это вмешательство английской буржуазии даром не пройдет... Привиллегированное положение Армии, подкопанное основательно конкуренцией Германии, исчезло навсегда. Английский рабочий тред-юнионист раньше говорил: „у меня нет милитаризма, я свободный гражданин на своем острове, который защищается флотом. У меня во флоте несколько десятков тысяч наемных матросов, и только".

Теперь этого „свободного" пролетария Англии милитаризм взял за шиворот и бросил на территорию Европы. Страшный рост налогов, страшная дороговизна. Все это подкопало до самого корня старое „привиллегированное" экономическое положение даже и верхнего слоя английского рабочего класса.

Чем более привиллегированным чувствовал себя английский пролетариат раньше, чем горделивее он смотрел на себя, тем страшнее для него будет сознание катастрофы. Хозяйство Великобритании опустошено, разорено. Колоссальное количество калек-инвалидов, все это—последствия войны. Думать, что после победы над Германией Англия сможет милитаризм свой упразднить или сильно ограничить, значило бы глубоко ошибаться. Завтра сильнейшим врагом Англии будут Соединенные Штаты. Уже сегодня между ними глубокий внутренний антагонизм. Для английского пролетариата осталось сейчас только две возможности: хозяйственное и классовое вырождение или —социальная революция.

Правда, существует предрассудок, будто английский рабочий класс лишен революционного темперамента. Есть такая теория суб'ективно националистическая, будто история народа об'ясняется национальным темпераментом. Это—вздор. Так судят и пишут поверхностные болтуны из буржуазной среды, которые наблюдают англичан только в шикарных ресторанах Швейцарии или Франции,—наблюдают, так называемые, сливки английского общества, представителей которого, из поколения в поколение испорченных и истощенных, лишенных силы и воли к жизни, они выдают за представителей английской нации.

Но кто знает историю английского народа и английского рабочего класса историю английских революций 17 столетия, а затем ан-

глийский чортизм 19 столетия, тот знает, что и у англичан есть „чорт в теле“. Бывали не раз времена, когда англичанин брал в руки дубину против угнетателей. И нет сомнения, близок тот час, когда он возьмет дубину против короля, против Ллойд-Джорджа, против своих лордов и против жестокой и хитрой, умной и коварной английской буржуазии. И первые раскаты великой бури уже слышатся на островах Великобритании.

Опасность для нас как будто наиболее серьезная, наиболее длительная со стороны Америки и со стороны Японии.

Оглянемся, что же нас ждет со стороны Америки.

Соединенные Штаты—могущественная капиталистическая страна, вмешавшаяся в войну после того, как европейские народы уже почти три года истощали друг друга. Критические месяцы январь и февраль 1917 г. я был в Америке и наблюдал период подготовки к выступлению Соединенных Штатов в войну. Вы помните, как тогда писала наша патриотическая печать и печать всех стран Согласия о том, что благородный президент Вильсон, выведенный из себя всеми бесчинствами и преступлениями германского милитаризма, в особенности подводной войной, истреблением пассажирских пароходов и пр. и пр., бросил, наконец, и свой меч на весы мировой борьбы, — „для того, чтобы дать перевес добродетели над пороком“. В действительности дело выглядело гораздо прозаичнее, чем писала буржуазная печать.

Америка заняла с самого начала по отношению к обеим лагерям то положение, которое в предшествующих войнах занимала Англия по отношению к континенту. Я сказал уже, что Англия делила Европу на две враждебные части. Она сидела на своем острове и говорила: „пусть они ослабляют друг друга, я буду поддерживать более слабых, чтобы для меня не выросло слишком сильных соперников“. Когда Германия слишком усилилась, Англия пришлось перейти в лагерь открытых врагов Германии. Тогда Америка у себя на своем гигантском острове, по ту сторону „большой воды“,—так американцы называют океан,—стала в выжидательную позу и сказала: „Европа вместе с Англией разбита на два лагеря. Мы, американцы, сначала будем на-

блюдать, как они будут друг друга обескровливать и истощать. Занимаясь наблюдением, мы не будем, однако, оставаться пассивными, будем во возможности заботиться о „бизнесе“, о гешефте, о барыше, будем продавать динамит, снаряды, винтовки той и другой стороне и за наш нейтралитет беспрерывно получать хорошие капиталистические проценты“.

Вот была первоначальная политика буржуазного класса Северной Америки. И с самого начала войны „честный“ американский купец направлял таким образом политику „честного“ президента Вильсона. Со своим честным динамитом он совался в оба воюющие лагеря и предлагал его воюющим сторонам по самым честным ростовщическим ценам. Но Англия об'явила блокаду и сказала Америке: „Нет, своего динамита в Германию ты не повезешь“. Получилось сразу величайшее обострение отношений между Америкой и Англией. Вильсон выступил перед лицом своей биржи: „Справедливость попрана, свобода морей поругана, честный американский динамит не имеет доступ в Германию“. Разумеется, вся биржа, вся военная промышленность клокотали от нравственного негодования против Англии, которая установила блокаду. Шли тревожные заседания тузов военной промышленности с банковскими заправилами и дипломатами, и они обсуждали вопрос, об'являть или нет войну Англии. Нейтральный Вильсон возражал так: „Сейчас мы отрезаны блокадой от центральных империй. Если же мы с Англией порвем, то исчезнут также и англо-французский, русский и итальянский рынки для нашей военной промышленности, и мы с вами останемся на бобах. Интересы американской промышленности и торговли требовали, чтобы Вильсон стоял за нейтралитет, который позволял бы американскому купцу вывозить свои товары в колоссальных размерах в страны Согласия.

В самом деле, внешняя торговля Соединенных Штатов за время войны увеличилась в два с половиной раза. Это была уже не старая торговля, когда вывозились хлеб, машины и вообще все продукты, нужные для человеческой жизни. Это была торговля почти исключительно военными запасами. Это была, главным образом, торговля орудиями и требления и смерти. Таким образом, Вильсоновский нейтралитет позволял американской промышленности делать прекрасные дела

Но вот выступила Германия со своей неограниченной подводной войной. Это было в январе 1917 г. Положение получилось такое: вся Америка покрыта заводами военной промышленности, которые расчитывают на европейский сбыт. Их отрезала английская блокада от центральных импе ий, а потом немецкая подводная блокада грозила отрезать их от Англии, Фра ции, России, И алии, и естественно, что тут уже переполнилась чаша терпения военной индустрии, а стало-быть и Вильс новского „пацифизма" и его „нейтральности".

Я забыл вам сказать, что Вильсон является апостолом „пацифизма" т.-е. идеи мирного сожительства народов—до тех пор, пока эта идея была торговым флагом для „нейтрального" американского динамита. Но с того момента, когда две блокады встали на пути, великий апостол пацифизма Вильсон начал склоняться к тому, что сейчас время вмешаться. Американская буржуазия давала ему много времени для размышлений. Она указа а ему: „Вот вавилонская башня военной промышленности, вот М нблан снарядов патронов, которые мы создали для Европы,—к да их нам девать"? Вильсон развел руками и заявил, что против подводной войны он не изобрел средств. Ему сказали: „Ты должен взять эти товары для американского государства. Если ты не можешь их все перевести в Европу, так заплати за них средствами американского рабочего и американского фермера".

Вот где источник чудовищно выросшего в короткий срок американского милитаризма,—американская промышленность готовила этот милитаризм на вывоз для Европы, потом он перерос через голову американского народа, и этот последний вынужден был сам поглощать его в Америке. Вмешательство Вильсона в войну было, следовательно, с одной стороны, стремлением придушить Германию, а с ней вместе и всю Европу, с другой стороны, непосредственными барышническими интересами американской военной промышленности. Вот каковы нравственные принципы старого ханжи Вильсона.

Но этот опыт не пропал бесследно для американского рабочего класса. У него были некоторые черты, которые роднили его с английским рабочим классом. И там и здесь—консервативные тред-юнионы. Американский рабочий класс на своих верхах рассуждал так, что он еще больший аристократ, чем англичанин. У английского рабочего

Инвентарный номер 106281

класса есть король, дворянское сословие, лорды,—этого нет у американского рабочего класса. Соединенные Штаты „—свободная" республика, федеративная, много земли, много хлеба, и пр. и пр.

Все это теперь окончательно отошло в прошлое. Этого больше нет. От этой. так называемой, свободной федеративной республики не осталось и следа. Война окончательно покончила с ней. В лице Соединенных Штатов Америки мы имеем централизованную милитаристическую империалистическую страну. Власть американского президента нисколько не меньше власти какого нибудь короля или царя. Во всех основных вопросах жизни и смерти, в вопросах войны и мира. американский президент, как исполнитель воли финансового капитала, в своих руках сосредоточил всю власть за время этой войны. Милитаризм там создан истинно-американского масштаба и размаха. Жизненное положение масс ухудшено до последней степени.

Это я мог наблюдать собственными глазами уже до того, как Америка открыто вмешалась в войну. Вся энергия рабочего народа уходила не на производство продуктов необходимых для существования, т.-е предметов потребления, а на производство предметов истребления. Цены на жизненные припасы поднялись в Америке на небывалую там никогда высоту.

В январе и феврале 17 года, когда на всех восточных вокзалах и портах сосредоточились колоссальные массы боевых запасов и образовались пробки на всех железных дорогах, цены на предметы потребления сделали бешеный скачок, и в Нью-Йорке я наблюдал, как десятки тысяч женщин-матерей выходили на улицу, манифестировали, разрушая и громя лавки с предметами потребления, опрокидывая лотки, – это было хаотическое, бурное движение,—первый провозвестник будущих социальных потрясений.

Мы приходим, таким образом, к выводу, что и в Америке эта война подготовила все материальные и идейные предпосылки для революционного выступления американского рабочего класса.

А этот рабочий класс, товарищи, сделан не из плохого материала. Американский рабочий класс образовался из представителей самых различных национальностей и при том не худших представителей. Кто уезжал в Америку? В Америку уезжали сызнова непокорные рабочи

и крестьяне-сектанты, которые на родине преследовались; в Америку уезжали десятки тысяч рабочих и крестьян после всех раздавленных восстаний и революций после 48 года из Германии и Австрии, из Франции после того, как была раздавлена революция 48 года и коммуна 70 года. В Америку после 1905 г. уехало из России огромное количество передовых рабочих угнетенных национальностей и коренной русской национальности,—революционные элементы, боевые уезжали за океан. Правда, там открывалась возможность лучше зарабатывать, жить лучше, чем на старой родине. Но война все эти привилегии уничтожила, разрушила и этот первоклассный пролетариат она оковала невыносимыми тисками империализма Нет никакого сомнения, что эти тиски лопнут, и американский пролетариат обнаружит все свои революционные качества.

Там осели и французские коммунары и немецкие организаторы и наши русские большевики. Наши товарищи-большевики играют там крупную роль во всех революционных организациях. Сочетание всего этого придает без сомнения американской революции американский размах.

Два слова, товарищи, о Японии.

Япония—страна, которую мы меньше всего знаем, стоит на Дальнем Востоке, как некоторая Азиатская Англия,—как цепная собака азиатского континента. Англия—у европейского континента, Япония—у азиатского, который она хочет кроить и перекраивать согласно своим интересам и желаниям, еще более властно и варварски, чем делала Англия в течение столетий с европейским материком.

Но эпоха не та. Япония вступила на этот путь слишком поздно, чтобы она могла занять то положение гегемона, хозяина, экономического диктатора, которое одно только позволяет буржуазии в течение долгого времени держать в руках свой собственный рабочий класс.

Как раз за последние месяцы к нам пришли из Японии сведения о том, что там развернулось могущественное стачечно-революционное движение, вовлекшее в свой водоворот около 2 миллионов рабочих, под лозунг: „Риса и мира". Это наши лозунги, только хлеб по японски называется рисом. В остальном—это лозунги нашего рабочего класса, истощенного милитаризмом и войной. Япония, как вы знаете,

отличается великой переимчивостью, способностью к подражанию. Это не есть какая нибудь особенная, природой данная национальная черта, а это есть свойство нации, которая позже других выступила на путь мирового развития и вынуждена в припрыжку догонять другие народы. В этому она развила в себе способность подражать другим народам, перенимать от них навыки, приемы, технику. Такие народы научаются *делать* поевропейски раньше, чем научаются *думать* поевропейски.

Японская буржуазия головой своей еще торчит целик и в старых феодальных суевериях, в воззрениях родового и кастового быта, в предрассудках этих, кастах самураев, в старых „языческих" религиях, обеих представлениях и пр. пр. Но уже руками своими она умеет загребать барыши по всем методам итальянской бухгалтерии.

Японский рабочий класс тоже, несомненно, в смысле сознания чрезвычайно отстает от своей собственной практики. Вообще, товарищи, что такое сознание? Это самая ленивая вещь, это человеческая психика. Суб'ективисты, — наши эсэры, считали, что все движется вперед сознанием. Это неправда. Если бы, в самом деле, сознание людей было передовым фактором, то не было бы этой проклятой войны, этих унижений, этих преступлений.

Разве все это заранее не написано в книжках? Все это предсказано, до последней пуговки предсказано. Стало-быть, если бы сознание двигало людьми, то они бы давно это поняли и они давным давно послали бы ко всем чертям свои господствующие классы. Почему этого нет? Потому что сознание, фактически это—самый ленивый фактор во всей истории. И нужно, чтобы внешние факты толкали, били народы, классы по спине, по затылку, по темени, пока это проклятое сознание не пробудится, наконец, и не начнет ковылять за фактами следом.

Все это особенно ярко выражается на примере Японии именно потому, что Япония всем своим положением вынуждена в кратчайший срок заводить у себя европейские орудия, иначе ее раздавят. Для орудий нужны заводы. Для заводов—техника. И вот Япония на скоро заводит свою технику, науку, свою промышленность. Философская часть сознания, политическая, критическая область сознания параллельно не разрабатывалась, не успевала —и японцы в массе своей

коснеют еще в средневековом идейном варварстве. Но именно при таком положении скачки вперед являются неизбежностью.

Мы представляем себе японский рабочий класс отсталым рабочим классом. Это верно. В массе своей он в высшей степени отстал. Но разве нам не говорили еще вчера про русский рабочий класс: „Вы верите в то, что в России будет не только революция, но и диктатура рабочего класса. Да ведь русский пролетариат отстал в высшей степени. Он коснеет в крестьянских предрассудках". Мы на это отвечали: „Если бы мы надеялись только на сегодняшнее сознание пролетариата, всего, в целом, то, разумеется, ваша критика была бы верна. Но есть об'ективная логика, логика нашей централизованной промышленности, логика русского царизма, логика контр-революционности русской буржуазии, ничтожества мелкой буржуазной демократии, логика международного положения. Эта внешняя, об'ективная логика превратится в историческую палку, которая погонит русский рабочий класс, на первых порах даже против его сознания, на путь завоевания власти".

Мы оказались правы. То же самое приходится сказать о японском рабочем классе, который еще позже выступил на путь исторического развития и который вынужден еще быстрее развиваться. Эти 3 миллиона рабочих, бастующих с лозунгом: „Хлеба и мира", переживают такой момент развития, в котором об'единяются наш 1903 г., когда у нас было первое могущественное стихийное стачечное движение, наш 1905 год, когда революция еще шла на поклон к царю, и даже начало революции 1917 г., когда наши рабочие и работницы требовали мира и хлеба. Все это соединилось воедино.

Хищничество японской буржуазии, ее милитаристическое неистовство будет все более и более усиливаться, потому что теперь для Японии страшнее всего Соединенные Штаты Америки. У Америки раньше не было армии, теперь — колоссальная. Флот усиливается. Япония в сравнении с Америкой бедна и на фундаменте своей бедности она вынуждена создавать могущественную армию и тем самым нещадно эксплоатировать японский рабочий класс, обирая его до нитки. Вот об'ективные факторы, которые говорят за то, что японская революция является неизбежностью.

Японская буржуазия в короткое время более или менее догнала, в смысле техники производства и техники грабежа, европейскую буржуазию. Японскому рабочему классу придется догонять европейский рабочий класс в смысле техники пролетарской революции.

Из сделанного мною, по необходимости, беглого обзора движения рабочего класса разных стран вытекает, товарищи, что война везде и всюду вскрыла до дна основной антагонизм классов, который в мирную эпоху не бывает так заметен рабочему классу, который не так ясно сознается и ощущается.

Теперь он вскрыт, и пред рабочими всех стран встала эта роковая альтернатива: или быть истребленными историей, или взять в свои руки государственную власть. Вот почему война—мать революции.

Если предположить, что Америка и Япония отстанут в то время, как вся Европа будет охвачена пламенем социальной революции, — Америка и Япония не задушат нас.

Если германский рабочий класс сделает шаг вперед,—а он его сделает,—возьмет власть в свои собственные руки, экспроприирует свою буржуазию и приступит к организации коммунистического хозяйства, он будет в тысячу раз сильнее нас своей организацией, своей техникой, и наш союз с ним, союз Советской России с германским коммунистическим рабочим классом, или союз Советской России с коммунистической Германией, один этот союз—достаточная сила, о которую разобьются все волны европейской и мировой контр-революции. (Аплодисменты).

Со стороны этих основных перспектив ближайшего периода наши дела обстоят как не надо быть лучше, товарищи.

Все то, о чем в течение десятилетий мы—революционеры старшего поколения—размышляли, на что надеялись, чего ожидали,—это сейчас становится фактом.

Но, товарищи, было бы величайшей оплошностью, еслибы мы из этого сделали слишком оптимистические выводы, было бы величайшей ошибкой, еслибы мы сказали себе, что коммунистическая революция у нас, так сказать, в кармане. Этого нет.

Еще не устранена величайшая опасность для революции и прежде всего для Советской России. Это—еще не убитый империализм.

До недавнего времени такой опасностью была Германия. Сейчас империалистическая Германия сошла со сцены. Но это не значит, что опасность стала меньше. Опасность непосредственная, сегодняшняя, стала больше.

Теперь весь мир, в полном смысле слова, разделился на две части: большевики и все остальные. Открывается последняя борьба не на жизнь, а на смерть.

Это, товарищи, не есть агитационная фраза, это—подлинная реальность. Возьмите печать всех стран, буржуазную, руководящую печать, соглашательскую печать всех стран и вы увидите, что нет вопроса, который разбирался-бы иначе, как под тем углом зрения, какое значение решение этого вопроса будет иметь для борьбы с большевизмом.

Когда в Германии в течение последних дней велись споры, заключать ли мир или нет, после того, как Вильгельм был свергнут, то одни говорили, что необходимо мир заключить немедленно, ибо мир сам по себе есть такое большое благо, что один этот мир, как бы он ни был тяжел, обуздает революционные элементы, позволит совладать с поднимающим голову большевизмом. Другие говорили, что мира заключать не нужно, ибо всякое колебание смертельны: „Если мы дрогнем перед английским империализмом, мы покажем, что мы слабы. Это увидит немецкий рабочий класс, и это даст повод для развития большевизма“—Только под углом зрения борьбы с большевизмом, т.-е. с коммунизмом, живет сейчас буржуазная и соглашательская мысль и вся политика и стратегия господствующих классов всей Европы, всего мира. Это—факт колоссальной важности. Этим прежде всего дается признание нашей партии, как руководящей исторической силы, и далее в этом же факте мы усматриваем выражение растерянности, неуверенности, страха господствующих классов всех стран. А это есть важнейшее условие успеха. Но до этого полного успеха, товарищи, может пройти еще несколько лет, может быть месяцев, если дела пойдут хорошо. А в течение месяцев в наше время могут произойти большие события и в ту и другую сторону.

Вспомните, что всего только 8, 7, 6 месяцев назад германский империализм диктовал свою волю всему миру, а мы были придавлены к земле. Сравните с этим то, что происходит сейчас. Какие грандиозные перемены! История работает теперь не при помощи мелких тонко-отточенных инструментов, нет, она работает тяжелым паровым молотом, гигантским обухом, занося его над головами классов, наций, народов, государств, сокрушая одних, поднимая других. И в этой титанической работе такой удар обухом может обрушиться еще и на нас, об этом надо помнить, товарищи.

Революционный энтузиазм не состоит в закрывании глаз на опасность. А опасность есть и особенно отчетливо она грозит с южного фронта.

Не от Краснова, не от Деникина, а со стороны англо-французского империализма, для которого Краснов и Деникин могут послужить пунктом отправления.

Вы знаете, какая перемена ориентаций происходит сейчас во всех нейтральных и во всех оккупированных странах, в тех, которые еще недавно шли на буксире у Германии, в тех, буржуазия которых еще недавно лобызала ботфорты Вильгельма — они везде заявляют теперь во всеуслышание, что подлинный виновник войны—германский кайзер, и все они превращаются в вассалов англо-французского милитаризма. Нечего и говорить о том, что если вчера еще на Каспийском море Турция сражалась против Англии и ее агента Бичерахова, то завтра Бичерахов будет вместе с турецкими полчищами идти против нас.

Краснов и Деникин были врагами, ибо Краснов получал свои сребренники из Германии от Вильгельма, а Деникин—от Ллойд Джорджа и Клемансо. Сейчас этот антагонизм, в котором нет ничего принципиального,—английские и французские сребренники звенят совершенно одинаково,—этот антагонизм исчез, и Краснов об'единился с Деникиным на жалованье у англо-французского империализма.

На Украине был Скоропадский, на службе у германского правительства. Сейчас этот Скоропадский соединился с Румынией. Румыния, которая раньше от союзников перебежала к Германии. теперь по тому

же самому пути, чрез те же самые ворота, возвращается от Германии к союзным империалистам. Все они об'единяются и выравнивают свой фронт против нас. И все, что на Балканском полуострове еще уцелело, все это, разумеется, будет повернуто против Советской России.

Попытки нас задушить с северного фронта не привели пока-что ни к чему. Разумеется, не исключена возможность, что северный фронт весною оживет, если до весны не наступит в Англии и во Франции больших событий. Но сейчас в течение месяцев зимы нам с севера не угрожает никакой опасности.

Опасности с востока также не ожидается.

Волгу мы очистили, на Урале работа идет медленнее, может быть, чем было бы желательно, но идет твердо и хорошо. Надо надеяться, что Уфа и Оренбург будут нашими в самом ближайшем будущем. (Аплодисменты).

Что касается бывшего западного фронта, т.-е. Германии, то вы знаете, что там за последнее время группировались белогвардейцы. Под Псковом создавалась армия генерала Драгомирова, которая должна была угрожать Петрограду.

Германский милитаризм на всей западной полосе создавал контрреволюционные силы против нас, создавал их и на Украине. Теперь, с момента немецкой революции, все эти силы повисают в воздухе и, разумеется, единственным выводом из революции в Германии было для нас провозглашение Брест-Литовского договора уничтоженным. (Аплодисменты). Но это означает, что не Драгомиров будет наступать из Пскова, из Вильны на нас, а кто-то другой будет шествовать с Советским знаменем по направлению Пскова, Вильно, Риги во все центры оккупированных областей. И ни для кого из нас не тайна, что сейчас во всех этих областях наша партия, коммунистическая партия, стоит во главе рабочих и в значительной мере крестьянских масс, и что Советская власть не будет безучастной к той борьбе, которая, там уже развертывается, которая завтра развернется во всей своей силе на Украине.

Сейчас эта борьба теряет малейший привкус борьбы между нами и Германией, ибо свободная Латвия, свободная Польша и Литва и свободная Финляндия, как, с другой стороны, свободная Украина

будут не клином уже, а соединительным звеном между Советской Россией и будущей советской Германией и Австро-Венгрией. Это есть начало федерации, это есть начало европейской коммунистической федерации,—союза пролетарских республик Европы.

Стало-быть наш западный фронт сейчас не грозит нам никакой опасностью, наоборот, там мы будем доделывать наше дело и поставим Россию в те пределы, которые отвечают воле народных масс, населявших старую царскую империю.

Но вот южный фронт остается для нас попрежнему зловещим фронтом. Здесь, товарищи, может завязаться роковой узел. Через Украину, через Закавказье Германия стремилась к английским владениям в Азии, здесь шел предполагаемый великий империалистический путь Германии. Сейчас империалистическая Германия повержена. Но этим путем сейчас идут англичане и французы, об'единяя вокруг себя все контр-революционные элементы. Турция ли, Украина ли, Донское ли казачество, закавказские народности, т.-е. их буржуазные классы, все это будет сковано, спаяно воедино одним цементом классовой ненависти к пролетарской коммунистической революции.

Вы читали о том, что уже первые суда появились в водах Босфора под стенами Константинополя, и радио сообщает о том, что скоро десятки англо-французских вымпелов появятся в Черном море у Одессы, у Севастополя и у Новороссийска. С этим связан вопрос об англо-французском десанте на Черноморском побережье и о движении на Украину. Разумеется, не так скоро дело делается, как сказывается. Выбросить десант в несколько десятков тысяч англо-французских солдат это ничто. Германии нужно было вместе с Австро-Венгрией содержать на Украине пол-миллиона солдат только лишь для того, чтобы иметь в своих руках узлы железных дорог и удерживать от взрыва страну, находившуюся в состоянии непрерывного кипения. Это было временным полупорядком, позволявшим немецким войскам грабить украинских крестьян. Англо-французам понадобится никак не меньше той же армии, ибо симпатии украинских крестьян и украинских рабочих к этим освободителям будут не более пламенными, чем к немецким солдатам. А ведь речь идет не об одной Украине, но обо всей России. Правда, немецкая белая гвардия, украинская

буржуазия будут им помогать. Кадры великорусской буржуазии, великорусских империалистов бросятся на Украину и будут содействовать англо-французским насильникам.

Тем не менее, задача эта требует не дней, не недель, а месяцев. Однако, опасность велика. опасность особенно велика потому, что у союзников сейчас руки развязаны. Германия раздавлена, огромные военные силы освободились. Правда, возросла угроза революции во всей Европе, но этой революции еще нет, она только начинается. Она будет. Но сегодня ее еще нет. Надо учитывать положение, которое существует сегодня. И, стало быть, у них есть еще сегодня материальная возможность бросить большие силы на Украину.

Наше спасение состоит в том, чтобы не дать возможности англо-французскому империализму сомкнуться с русской контр-революцией.

Немецкие войска создают свои советы во всей Украине и отсюда стихийно уходят к себе или переходят на нашу сторону, — они оставляют нам свое оружие. Но немецкие войска уходят, а другие хотят придти и уже стучатся у ворот. Этим моментом нам нужно воспользоваться, когда одни уходят, а другие хотят прийти, нам нужно ворваться клином посредине и сказать вместе с украинскими рабочими и крестьянами относительно всей Украины: „Это тоже часть нашего советского дома“ и затворить крепко дверь на ключ и сказать иностранным прохвостам, немецким и английским: „Сюда входа нет“. (Аплодисменты).

Товарищи, вся история сейчас, как в одном комке, сгустилась для нас в этом вопросе. Сумеем ли, успеем мы это сделать. Если не сумеем, я не скажу, что погибнет революция, — мировая революция не может погибнуть. Была у нас Парижская коммуна, которая была задавлена. Был 1905 год, когда мы были задавлены. Но мы поднялись. И если бы нас снова раздавили, революция поднялась бы на наших костях. Но мы представляем себе победу не в последнем счете, не через 25—50 лет, а мы хотим сами победить, вот те, которые здесь сидят, наше поколение, взявши власть, не хочет ее отдать. Вот в чем дело. (Аплодисменты).

Задачу, которую нам поставила история, мы должны разрешить. Именно, поэтому Центральный Исполнительный Комитет объявил, что наша Советская республика превращается в военный лагерь. Нет другой задачи, которая была бы для нас так повелительна, так обязательна, так настоятельна, как задача вооруженной борьбы на южном фронте.

Приходится иногда встречаться, я бы сказал, с ведомственной ограниченностью с профессиональным консерватизмом части наших советских работников. Мне присылают нередко телеграфные жалобы на то, что наша военная машина мешает разным культурным задачам, культурной работе. Я это прекрасно знаю. Военная машина, которая забирает много сил и средств, часто действует неуклюже, варварски, грубо. Это все имеется на лицо, это я готов признать. Но, к сожалению, товарищи, это есть последствие того, что мы воюем не на жизнь, а на смерть, а война, это—суровое ремесло. Война, это—безжалостная вещь. И, конечно, в каждом городе, в Воронеже, в Курске, в Москве, Тамбове, везде и всюду тот факт, что мы воюем не на жизнь, а на смерть, выражается в том, что комиссариат просвещения страдает, комиссариат юстиции страдает, социальное обеспечение страдает, отбирают не только материальные средства, отбирают людей, лучших работников и посылают на фронт.

Когда советские работники жалуются, что отняли учителей в школах, а эти учителя нам нужны, что это хорошие пролетарские учителя, я неизменно отвечаю одно: „Они будут несомненно прекрасными красными офицерами, и я их вам обратно не отпущу". Я получил от рабочих больничной кассы телеграфную жалобу на то, что отобрали лучших врачей. Нам нужны врачи в первую голову для армии и хорошие врачи больничной кассы будут хорошими врачами для солдат. Тот факт, что Россия превращена в вооруженный лагерь, выражается в том, что все, что возможно, забирается, мобилизуется, материальные средства как и личные силы. Это должно делаться с удесятеренной силой: должно быть мобилизовано и самое сознание всех советских работников, чтобы все они понимали и чувствовали, что на *южном фронте решается сейчас судьба нашей*

страны. Если мы здесь пошатнемся, если мы здесь споткнемся, то, разумеется, от больничных касс и от просвещения не останется ничего. Нам нужно обеспечить себе возможность самого существования, а стало быть и культурной работы. Поэтому, все силы и все средства для армии.

Я знаю, воронежские товарищи сделали очень много, но, позвольте сказать, еще не все. Работу можно и должно вести более централизованным и напряженным образом. У вас был момент, когда вспыхнул вопрос об эвакуации Воронежа. Такого вопроса не может быть и не должно быть. (Аплодисменты).

Воронеж не может быть эвакуирован ни при каких условиях, ни при каких обстоятельствах, он должен быть защищен. Вы должны сделать здесь то, что делают Советы на всем Поволжьи, наученные горьким опытом чехо словацкого восстания. Там каждый город превращается в настоящее время в крепость. Рабочие проходят военное обучение. Часть рабочих превращена в гарнизон, который разбит по отдельным районам города. Каждый район имеет своего коменданта, надежного рабочего революционера. Каждый рабочий знает, куда он должен явиться в минуту опасности, какой окоп занять. Словом, все города Поволжья в настоящее время превращаются в крепость и, если военное счастье изменит нам и если бы, допустим невозможное, — враги наши с востока снова дошли бы до Волги, то там они нашли бы линию укреплений, о которую они сломали бы себе много и много зубов.

И вы, товарищи, должны Воронеж по этому образцу превратить в одну из южных крепостей. Рабочий класс заводов и железных дорог Воронежа должен быть гарнизоном этой крепости.

Вот первая ближайшая задача здешних военных властей вместе с Советом, со всеми профессиональными организациями, фабричными и заводскими,—превратить Воронеж в хорошую крепость южного фронта. Я не сомневаюсь что, эта задача будет выполнена.

Задача нашего губернского Совета по отношению ко всей губернии, это—обеспечить линии железных дорог, которые проходят через губернию. Казаки прорываются к железнодорожным путям всегда и при содействии кулачества близ лежащих сел. Нужно построже следить

за придорожной полосой. Нужно возложить на кулачество сел и деревень, расположенных вдоль линии железных дорог, прямую и непосредственную ответственность за неприкосновенность полотна. Возьмите последние кулацкие восстания, которые были у вас в Воронежской губернии,—они полосой огня развивались вдоль линий железных дорог. Это система, которую казаки и кулаки, под руководством офицеров, извлекли из опыта немецкой оккупации на Украине, где немцы захватывали железнодорожные узлы. Для этого нужно минимальное количество военных сил. По этому типу был разработан заговор, который должен был развернуться в годовщину нашей октябрьской революции. Все эти восстания: восстания банды матросов в Петрограде, восстания кулаков в разных местах, в разных губерниях представляют собой,— это уже установленный сейчас факт,— отдельные осколки неосуществившего гигантского плана восстания, приуроченного к годовщине нашей революции. Но в Петрограде это прорвалось раньше, организация не выдержала. Мятеж вспыхнул раньше срока и в других местах и пошел в разброд. Но завтра он может возобновиться и оно и идет вдоль линии железных дорог. Восстания сохранятся до тех пор пока сохранится южный фронт. Убить навсегда кулацкие восстания можно одним способом: ликвидировать южный фронт, великую надежду буржуазии и кулаков. Сюда, на южный фронт, направлены большие военные силы. Дадим же для нашего воронежского фронта еще десятки и сотни передовых работников, которые будут там комиссарами при полках командирами, рядовыми бойцами, которые будут влиять прежде всего примером своего собственного мужества. У нас будет тогда достаточно сил для того, чтобы ликвидировать казацкие банды раз и навсегда. Мы обязаны победить, ибо на нашем юге разрешаются сейчас судьбы не только русской, но и мировой революции на ближайшие годы. Если мы здесь дадим врагам нашим укрепиться и нас задушить,—то это будет иметь самые тяжкие последствия для рабочего класса всех стран.

Товарищи. Мы стоим сейчас, как маяк, на большой высоте. Нас хотят во что бы то ни стало ниспровергнуть. То обстоятельство, что мы, окруженные кольцом врагов, держались до сих пор, вызвало, наконец, взрыв революции в Германии и в Австро-Венгрии. Если бы

мы пали, это было бы огромным выигрышем для наших классовых врагов и страшным ударом для наших друзей во всем мире. Товарищи! Мы не имеем права падать. Мы сликом высоко поднялись. Как Советская Власть, как партия, мы взяли слишком большие обязательства перед международным рабочим классом. Мы обязаны победить. И так как здесь находится сейчас наш важнейший фронт, то мы для этого фронта должны отдать все, что есть. Вы этот фронт сделаете неприступным. Более того, вы дадите силы, которые приведут нас и в Новочеркасск, в Ростов, и в Полтаву, и в Харьков, и в Киев. А через Киев идет прямой путь на соединение с австро-венгерской революцией, подобно тому, как путь через Псков и Вильну ведет на прямое соединение с революцией в Германии.

Период отступлений, который имел место с момента Брест-Литовского мира до последних недель,—этот период отступлений на всех фронтах закончился. Передышка, данная нам историей, ликвидирована. Отступая до сих пор, мы накопляли силы. Теперь мы обязаны привести их в действие. Наступление на всех фронтах! Наступление на западном фронте, наступление на южном фронте,—на всех революционных фронтах. История работает за нас. Но мы сами — живая сила истории. С того часа, когда мы проникнемся до мозга наших костей исторически поставленной перед нами задачей, нам не страшны будут никакие опасности. То обязательство, которое Советская Россия взяла перед международным рабочим классом,—она его выполнит. Мы оградим, мы обеспечим, мы сохраним нашу Советскую Республику, как крепость социальной революции до ее соединения с революцией мировой. (Бурные аплодисменты. Оркестр играет „Интернационал“).

Воронеж, 18 ноября 1918 г.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)

2р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКИЙ МИР»
МОСКВА
М. ЗНАМЕНСКИЙ, 8
(ТЕЛЕФОН 52-82)

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

ЦЕНТРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО В. Ц. И. К.
„ЦЕНТРОПЕЧАТЬ", ТВЕРСКАЯ, 22.

Цена 2 р. 50 к.